

**Санкт-Петербургский государственный университет
Исторический факультет
Кафедра истории древней Греции и Рима
Центр антиковедения**

МНЕМОН

**Исследования и публикации по истории
античного мира
Под редакцией профессора Э.Д. Фролова**

Выпуск 5

**Санкт-Петербург
2006**

А.Д. Пантелеев

Жертвы глобализма: эдикт Каракаллы и положение христиан в начале III века

Сегодня одной из наиболее популярных тем для обсуждения среди политологов, социологов, философов и экономистов является глобализация. Обычно ее преподносят как продукт исключительно новейшего времени с его транснациональными корпорациями, скоростными средствами передвижения и цифровыми технологиями, позволяющими унифицировать и интегрировать в единое целое жителей самых разных регионов, игнорируя практически все их особенности, обусловленные национальной культурой. Для современного общества потребления экономическая глобализация наиболее заметна и поэтому воспринимается как важнейшая составляющая этого процесса, но это лишь надводная часть айсберга. Необходимо отдавать себе отчет в том, что глобализация не ограничивается утверждением на местных рынках продукции «Кока-Колы», «Проктер энд Гэмбл» или «Микрософт». Она в точно такой же, а возможно, и в большей степени, является явлением политическим и идеологическим, и именно поэтому самые яркие выступления антиглобалистов относятся именно к этим областям: это и маргиналы-экстремисты самого разного толка – от крайне левых анархистов и коммунистов до крайне правых консерваторов и традиционалистов, и главы целых государств вроде президента Венесуэлы Уго Чавеса. Если мы обратимся к этим сферам, то без труда заметим, что уже в античном мире существовали такие тенденции, и важнейшие их проявления – это римская держава и раннехристианская церковь, стремившиеся, каждая по-своему, объединить всех жителей ойкумены в своих пределах и сделать их подобными друг другу.

Экспансия и утверждение Рима, по сути, завершили складывание единой средиземноморской общности. Римское государство

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Глобализационные процессы в античном мире»), проект № 06-01-00438а.

дало подчиненным областям единую систему управления и права и некое подобие «общего рынка», но, всеми способами насаждая официальную идеологию, оставила практически без внимания местные особенности. Те инструменты, которыми Римская империя пыталась обеспечить идеологическое единство населения – Капитолийская триада, культ императора, а позже единый бог вроде Sol Invictus – оказались малоэффективными прежде всего в силу их неразрывной связи с политическими институтами и малой гибкости. Римляне обращали внимание на национальное своеобразие подчиненных народов лишь тогда, когда они входили в конфликт с законом, как это произошло в случае с кельтскими человеческими жертвоприношениями. Более гибкой системой, объединившей самые разные этнические и социальные группы в единое целое, стала христианская церковь. Уже в первый век существования новой религии мы сталкиваемся с таким стремлением: достаточно вспомнить проповедь и деятельность апостола Павла¹. В IV веке эти две системы – римское государство и христианская церковь – придут к позитивному взаимодействию, но до этого времени их сосуществование сложно назвать мирным.

На протяжении первых трех веков христиане остаются гонимой сектой. Преследования начинаются со времени Нерона и продолжаются при Домициане: христиане отказывались почитать последнего из Флавиев как живого бога. В это время складывается процедура суда над христианами, которую упорядочил и закрепил рескрипт Траяна. Адриан и Антонин Пий своими эдиктами пытались не допускать линчевания, требуя соблюдения правовых норм. При Марке Аврелии мы сталкиваемся с двумя волнами гонений. К концу 160-х гг. относятся казнь Иустина Философа (Eus. HE, IV, 16) и преследования христиан во многих провинциях. Самый известный пример второй волны – события в Лионе и Виенне в 177 г. (Eus. HE, V, 1-4). Но Марк не издавал особых антихристианских указов. События 167-168 гг. вызваны необходимостью обязательного жертвоприношения для умиловливания богов, а 177 г. – появлением законов, которые облегчали бремя устроителей игр, позволяя им использовать в качестве живого материала для арены приговоренных к смертной казни (*senatus consultum de pretiis gladiatorum minuendis*). На время царствования Марка приходится пик активности христианских апологетов, которые требовали вне-

---

¹ Последняя работа на эту тему: Turner G. Paul and the Globalisation of Christianity // *New Blackfriars*. Vol. 86. 2005. P. 165-171.

сти ясность в использование этих законов². Через три десятилетия христиане вновь оказываются в подобной ситуации: Септимий Север, отмечая десятилетие своего правления в 203 г., потребовал всеобщего жертвоприношения (Eus. HE, VI, 2; 7). Спустя несколько лет после его смерти ситуация повторилась.

Северу наследовал его сын Бассиан по прозвищу Каракалла. Его можно назвать одним из самых жестоких тиранов на римском престоле. Каракалла восхищался Суллой и Тиберием и старался походить на Александра Великого, когда тот уже стал владыкой мира. Нет нужды останавливаться на всех его преступлениях и мегаломанических выходках; достаточно вспомнить убийство родного брата и всех, кто был с ним хоть в какой-то степени связан, или страшную резню, устроенную им в Александрии в 215 г. «История Августов» так характеризует Каракаллу: «Вообще Антонин Бассиан отличался такой неустойчивостью настроения, вернее сказать, такой жаждой крови, что убивал то друзей Геты, то его врагов – всех, кто попадался под руку» (SHA. Ant. Geta, 7).

Основное мероприятие, связанное с именем Каракаллы – дарование прав римского гражданства всем жителям империи. В 212 г. Каракалла издал эдикт, носящий название *Constitutio Antoniniana*. По этому эдикту права римских граждан распространялись почти на всё свободное население, кроме неких дедицитиев. Этот законодательный акт завершал процесс ассимиляции всего свободного населения, начавшийся ещё во времена Республики. Древние историки не придавали *Constitutio Antoniniana* особого значения, считая этот закон исключительно фискальной мерой. Так, Дион Кассий сообщает о нем одной фразой: «Он сделал римлянами всех своих подданных, на словах – чтобы оказать им благодеяние, на деле же, чтобы отсюда к нему притекало больше (налогов), так как перегрины большинство их не платят» (LXXVII, 9). Ни Геродиан, ни автор жизнеописания Каракаллы в «Истории Августов» специально не говорят о нем; последняя только мимоходом упоминает эту меру в связи с его отцом: «Предки (Септимия) были римскими всадниками раньше, чем право гражданства было дано всем» (SHA. Sept. Sev, 1). Несколько раз этот закон упоминается у юристов (напр., Dig., 1, 5, 17), два упоминания у христианских писателей – Григория Чудотворца (In Orig. orat. pan., 1) и Ав-

² Подробнее об этом см. нашу статью: Христиане в правление Марка Аврелия // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Выпуск 4. 2005. С. 305-316.

густина (Civ. Dei, V, 17) – вот и все, что сообщает о нем традиция. Очевидно, что античные авторы не сочли его чем-то важным, как это случилось бы, будь он принят за столетие до этого.

Папирус, найденный в Египте, сохранил часть этого эдикта: «Император Цезарь Марк Аврелий Север Антонин сказал: Теперь, устранив жалобы и прошения, следует лучше исследовать, каким образом мне воздать благодарность бессмертным богам за то, что этой победой... они меня спасли. Итак, я считаю, что смогу великолепно и благочестиво воздать должное их величину, если я сделаю почитателями богов peregrinorum, включив их в число моих людей. Поэтому я даю всем peregrinorum земного круга римское гражданство с сохранением всех категорий городов, исключая deditiones. Следует не только... но также победой... Кроме того, этот эдикт умножит величие народа римлян, так как станет такое же достоинство...» (Pap. Giessen. 40)³. Папирус сохранился с большими лакунами, многое приходится реконструировать, есть и в принципе невозможные строки, кроме того, до сих пор не вполне понятно, содержит ли он один эдикт Каракаллы или компиляцию нескольких законов. Обычно при изучении этого документа исследователи обращаются к текстологии, толкованию термина «deditiones» или его экономическому и юридическому значению⁴. Мы, со своей стороны, постараемся показать важность этого закона для понимания отношений Рима и раннего христианства на примере одного региона – провинции Африка, – и продемонстрировать, что он сыграл для нее такую же роль, как *senatus consultum de pretiis gladiatorum minuendis* для Лиона и Виенны. Сразу отметим, что Каракалла не издавал никаких специально антихристианских законов. Он был обычным человеком своего времени, достаточ-

³ Перевод эдикта Каракаллы дан по: Хрестоматия по истории древнего Рима / п.р. С.Л. Утченко. М., 1962. С. 554.

⁴ Jones A.H.M. Another Interpretation of the Constitutio Antoniniana // JRS. 1936. Vol. XXVI. P. 218-227; Heichelheim F.M. The Text of the Constitutio Antoniniana and the other three decrees of the Emperor Caracalla in Papyrus Gissensis 40 // JEA. 1940. Vol. XXVI. P. 10 ff.; Ранович А.Б. Эдикт Каракаллы о даровании римского гражданства населению империи // ВДИ. 1946. №2. С. 66-80; Штаерман Е.М. К вопросу о *deditiones* в эдикте Каракаллы // ВДИ. 1946. №2. С. 81-88; A.N. Sherwin-White. The Roman Citizenship. Oxford, 1939. P. 218-227; Millar F. The Date of the Constitutio Antoniniana // JEA. Vol. 48. 1962. P. 124-131; Ельницкий Л.А. Новые эпиграфические данные и эдикт Каракаллы о римском гражданстве // ВДИ. 1980. 1. С. 74-98.

но религиозным, но, как и большинству современников, ему была чужда идея исключительного обладания истиной. Христиане, без сомнения, были ему известны, но находились далеко не в центре его внимания.

Как и Септимий Север, Каракалла чтит египетские культы: в его правление был построен храм Сераписа на Квиринальском холме, и за приверженность этому божеству он даже получил прозвище «Philosarapis»⁵. На монетах появляются изображения этого божества⁶. Кроме Сераписа, Каракалла поклонялся и Исиде⁷. «Он привез в Рим священнодействия в честь Исиды и повсюду соорудил этой богине великолепные храмы. Священнодействия он совершал даже с большим благоговением, чем они совершались до него», и некоторые даже говорили, что Каракалла первый ввел ее почитание в Риме (SHA. Ant. Car., 9). Во время похода против парфян Каракалла посетил в Каррах храм бога Луны (SHA. Ant. Car., 6). Можно отметить, что Р. Палмер, исследуя римские надписи в честь Каракаллы, приходит к выводу о том, что он, как и его отец, особо почитал Луну⁸. Большое внимание он уделял всему германскому – облику, обычаям, образу жизни, но у нас нет свидетельств о какой-то его привязанности к божествам германцев. Каракалла разделял страхи своих современников: так, были осуждены те, «кто носил на шее средства против трехдневной и четырехдневной лихорадки» – очевидно, что он опасался вредоносной магии (SHA. Ant. Car., 5)⁹. Возможно, находясь под влия-

---

⁵ Nock A. D. *Conversion: the Old and the New in Religion from Alexander the Great to Augustine of Hippo*. Oxford, 1933. P. 129; Jones D. J. *Christianity and the Roman Imperial Cult* // ANRW. Tl. II. Bd. 23.2. 1979. P. 1043; Krill L.M. *Roman Paganism under the Antonines and Severans* // ANRW. Tl. II. Bd. 16.1. 1978. P. 34.

⁶ Mattingly H., Sydenham E.A. *Roman Imperial Coinage*. Vol. IV.1. *Pertinax to Geta*. L., 1936: № 86, 239, 241, 246, 250, 253, 256.

⁷ Кюмон Ф. *Восточные религии в римском язычестве*. СПб., 2002. С. 119; Solmsen F. *Isis among the Greeks and Romans*. Cambridge (Mass.), 1979.

⁸ R. Palmer. *Severan Ruler-Cult and the Moon in the City of Rome* // ANRW. Tl. II. Bd. 16.2. 1978. P. 1085-1120.

⁹ Под этой перемежающейся лихорадкой имеется в виду малярия. Множество таких амулетов приводит К. Боннер в: *Studies in Magical Amulets, Chiefly Graeco-Egyptian*. Ann Arbor, 1950. Что касается боязни магии, то ее испытывали и люди более образованные, например, Плотин или Либаний.

нием своей матери Юлии Домны, Каракалла построил храм знаменитому чудотворцу Аполлонию Тианскому.

Отношение Каракаллы к традиционной римской религии и императорскому культу было обычным для цезарей – он их поддерживал, охотно использовал в качестве предлога для репрессий, но все-таки не воспринимал. Об этом свидетельствует его фраза по поводу убийства Геты: «*Sit divus, dum non sit vivus*» – «Пусть будет божественным, лишь бы не был живым» (SHA. Ant. Geta, 2). Каракалла воспользовался древним римским обычаем для того, чтобы окончательно уничтожить неудобные ему римские роды – он казнил жриц Весты за то, что они якобы потеряли девственность. Это были Клодия Лета, Аврелия Севера и Помпония Руфина, а Кануция Кресценция покончила с собой. Все они были родственницами знатных римлян, уже казненных Каракаллой (Herod., IV, 6; Dio Cass. LXXVII, 16, 1-3). Расчет двигал Каракаллой и тогда, когда он приказал осудить неуважительно относящихся к статуям императора и тех, кто «снял венки с его статуй для того, чтобы положить другие» (SHA. Ant. Car., 5). По замечанию Р. Палмера, в эпоху Северов заметно особое стремление засвидетельствовать почтение самому правителю, его божественности, или божественности всей династии¹⁰. В целом, Каракалла, продолжая политику Септимия Севера, не принес ничего принципиально нового в римскую религиозную жизнь.

Часто отмечают особое расположение Каракаллы к иудаизму. Иероним в «Толковании на книгу пророка Даниила» пишет: «Так думают о правителях Севере и Антонине, которые весьма высоко отличали иудеев» (XI, 34). В «Истории Августов» приводится рассказ о том, как в детские годы Бассиан обиделся на отца из-за того, что высекли его товарища по играм, исповедовавшего иудейскую религию (Ant. Car., 1). М. Штерн, комментируя этот пассаж, указывает на то, что в это время евреям было разрешено занимать почетные муниципальные должности с единственной оговоркой: их исполнение не должно мешать их религии (Dig. L, 2, 3, 3), а по всей Галилее шло строительство новых синагог. Правление Каракаллы, как и его отца, всегда считали расцветом сотрудничества между евреями и Римской империей¹¹.

В.В. Болотов делает достаточно рискованное предположение о том, что Каракалла был расположен не только к евреям, но и к

¹⁰ R. Palmer. Severan Ruler-Cult. P. 1087.

¹¹ Греческие и римские авторы о евреях и иудаизме. Т. II, часть 2. М., 2002. С. 280.

христианам¹². Очевидно, в основании этой догадки лежит свидетельство Тертуллиана о том, что кормилицей Каракаллы была христианка: он говорит об Антонине, «воспитанном на молоке христианском» (Ad Scar., 4). Кроме того, вскоре после убийства Геты он позволил вернуться на родину ссыльным, в том числе и христианам (Dio Cass., LXXVII, 3; SHA. Ant. Car., 3). Некоторые ученые полагают, что выпоротый ребенок, о котором говорит биограф Каракаллы, был сыном этой кормилицы, но на наш взгляд, это достаточно надуманная гипотеза¹³. Если в I в. для римлян было еще сложно отличить иудея от христианина, то в III в. это не составляло никакой проблемы. В окружении императора было, как минимум, два христианина: императорский вольноотпущенник, кубикюлярый Марк Аврелий Прозена и Прокул Торпацион, исцеливший Септимия Севера (Ad Scar., 4)¹⁴. Скорее всего, Каракалла терпел христиан среди своих придворных, не придавая особого значения их религиозным взглядам, но не более того.

Что нового этот эдикт принес христианским общинам? По сути дела, ничего. После появления эдикта исчезло право апелляции к императору, которым обладали римские граждане, но христиане прибегали к нему не слишком часто – можно вспомнить разве что Павла и, возможно, Игнатия, – а когда они пытались воспользоваться своими правами позже, их требования игнорировались, как это было во время лионского гонения: римский гражданин Аттал, невзирая на распоряжение императора, был отдан на растерзание зверям (Eus. HE, V, 1, 44-50). Похоже, что это обращение к концу II в. осталось привилегией *honestiores*. Е. Перро полагал, что *Constitutio Antoniniana* открыла дорогу для всеобщих преследований христиан, так как «только граждане могли преследоваться за христианство»¹⁵, но это не так: известна масса случаев, когда не-граждане наравне с гражданами становились мучениками.

¹² Болотов В. В. Лекции по истории древней церкви. Т. II. М., 1994. С. 111.

¹³ Lampe P. From Paul to Valentinus. Christians at Rome in the First Two Centuries. Minneapolis, 2003. P. 337, n. 16.

¹⁴ Подробнее о них см.: Bihlmeyer K. Die syrischen Kaiser: Karakalla, Elagabal, Severus Alexander und das Christentum // Theologische Quartallenschriften. Bd. 97. 1915. S. 71-75; Lampe P. From Paul to Valentinus. P. 330-334; 337-338.

¹⁵ L'edit de Caracalla de 212 et les persecutions contre les chretiens // Rev. Hist. de Droit. 1924. Pp. 367-369.

Наибольшие проблемы для верующих создавал пролог этого эдикта, где говорилось о почитании богов – жертвоприношениях. Очевидно, Каракалла приказал принести жертвы в благодарность за свое спасение от козней Геты, мнимых или реальных. Отметим сходство начала эдикта с тем, что сообщает Геродиан о действиях императора после убийства Геты: «Оказавшись в лагере и в храме, где преклоняются перед войсковыми значками и статуями, он, бросившись на землю, стал давать благодарственные обеты и приносить жертвы за свое спасение» (IV, 4). Выступая после этого в сенате, он говорит: «Вы же прежде всего должны благодарить богов за то, что они спасли для вас хоть одного из государей» (IV, 5). Эта риторика была сохранена Каракаллой и в эдикте. Таким образом, христиане оказались в уже ставшей им привычной ситуации необходимости обязательного жертвоприношения языческим богам. Любопытно, что Евсевий Кесарийский, аккуратно сообщающий обо всех преследованиях христиан, ничего не говорит о гонениях при Каракалле¹⁶. Но как раз в это время, осенью 212 г.¹⁷, Тертуллиан в Карфагене пишет послание к наместнику провинции Скапуле, в котором прямо призывает его прекратить преследования христиан.

Причиной написания этого послания стали проводящиеся гонения. Что их вызвало? При анализе текста Тертуллиана становится ясно, что это *Constitutio Antoniniana*: «По человеческому праву и естественной власти каждый может почитать то, что он хочет, и богопочитание одного не приносит ни вреда, ни пользы другому... Поэтому хотя вы и принудили бы нас к жертвоприношению, однако этим ничего бы не дали своим богам, ибо они не требуют жертв от тех, кто их не желает приносить, если только они не честолюбивы». После этого Тертуллиан еще добавляет: «Нас обвиняют также и в оскорблении величества императора; однако никогда нельзя было найти христиан ни среди альбинян, ни среди нигриан, ни среди кассинян. Но те, кто накануне клялись гениями императоров, те, кто часто осуждали христиан, оказались врагами

---

¹⁶ Возможно, к этому времени относится сирийская «Апология», обращенная к императору Антонину и приписываемая Мелитону (Harnack A., von. *Die Chronologie der altchristlichen Litteratur bis Eusebius*. Bd. I. 1897. S. 522 ff.). Но многие исследователи относят ее ко II в. См.: Дунаев А.Г. Предисловие к творениям св. Мелитона // *Сочинения древних христианских апологетов*. СПб., 2000. С. 425, прим. 12.

¹⁷ Датировка произведений Тертуллиана дается по: Barnes T.D. *Tertullian. A Historical and Literary Study*. Oxford, 1971. P. 30-59.

их. Христианин же – не враг никакого человека, тем более императора, о котором он знает, что он поставлен его Богом, которого он должен и любить, и бояться, и почитать, и желать его благоденствия вместе с благоденствием всей Римской империи, пока будет существовать мир, ибо дотоле он будет существовать» (Ad Scar. 2). В пользу этого предположения говорит и то, что в «К Скапуле» нет обычных жалоб на преследование христиан за имя, которые звучат в «Апологетике» (2-3) или «К язычникам» (I, 3)¹⁸. Это подтверждает, что христиане оказались под ударом из-за нежелания принести жертвы. Тертуллиан заявляет, что христианин не враг никому, особенно императору; более того, император ниже одного только Бога, в его власти находятся даже языческие боги (2). Кроме того, Constitutio позволяет объяснить и гонения в Нумидии и Мавритании, о которых говорится ниже (Ad Scar. 4).

Однако, нельзя упускать из виду, что у Тертуллиана, помимо «К Скапуле», есть целый ряд работ, посвященных мученичеству. Это «К мученикам» (197 г.), «О венке» (208 г.) и «О бегстве во время гонения» (208/9 г.); кроме того, этот мотив звучит во многих сочинениях, не имеющих прямого отношения к поведению во время гонения, например, в «Скорпиаке» (203/4 г.) или «О посте» (210/1 г.). Развитие темы мученичества в произведениях Тертуллиана подробно рассмотрено Т.Д. Барнсом¹⁹. Отсюда возникает закономерный вопрос: а есть ли нужда придавать какое-то особое значение Constitutio Antoniniana, если гонения в этом регионе, похоже, шли на протяжении как минимум двух десятилетий? Как нам кажется, для Северной Африки правление Северов вообще и Constitutio Antoniniana в частности стали новым этапом в истории взаимоотношений римского государства и христианства. Постараемся обосновать это положение.

Как и когда христианство появилось в Карфагене и его окрестностях? Это остается загадкой. Античная традиция не дает точного ответа, позднехристианские авторы заполнили пробел в истории африканской церкви различными легендами, и современным ученым остается лишь констатировать отсутствие достоверной информации и строить гипотезы²⁰. Первые сведения о христианах в Аф-

¹⁸ Keresztes P. The Constitutio Antoniniana and the Persecutions under Caracalla // AJA. Vol. 91. 1970. P. 457.

¹⁹ Barnes T.D. Tertullian. P. 164-186.

²⁰ Болотов В. В. Лекции по истории древней церкви. Т. II. С. 279-280; Barnes T.D. Tertullian. P. 63-67.

рике встречаются у Апулея. В «Метаморфозах» он рассказывает о жене мельника, «погрязшей в наглости и бесстыдстве», которая «презирая и попирая священные законы небожителей, исполняя вместо этого пустые и нелепые обряды какой-то ложной и святотатственной религии и утверждая, что чтит единого бога, всех людей и несчастного мужа своего вводила в обман, сама с утра предаваясь пьянству и постоянным блудом оскверняя свое тело» (Met., IX, 14)²¹. До сих пор иногда можно встретить упоминания об «африканском первомученике» Намфамоне, но это следствие ошибок Августина и Иеронима, отнесших донатиста IV в. к предшествующему периоду²². Следующее свидетельство, «Акты сцилийских мучеников» – древнейший памятник латинской христианской литературы, – более определенно. Это отчет о суде над двенадцатью верующими из Сцилия в Нумидии, который состоялся 17 июля 180 г. Они исповедали христианство, отказались принести жертвы богам и поклясться гением императора, за что были приговорены к казни и вскоре обезглавлены. Тертуллиану были известны эти «Акты»: он говорит, что преследование христиан в Африке началось с Вигелия Сатурнина – проконсула, который упоминается и в «Актах» (Ad Scap., 3). При всей краткости этого документа, он дает очень важные сведения о распространении христианства в Африке. Интересно место происхождения верующих: неизвестно даже точное его название – Scilium или Scilii; в любом случае, это очень маленький городок или вовсе деревня неподалеку от Карфагена. Существование общины показывает, насколько глубоко там успела укорениться новая религия. Мы узнаем о наличии у арестованных посланий Павла и евангелий. Вряд ли малообразованные жители африканской глубинки могли читать их по-гречески, скорее всего, они имели дело с латинскими переводами Писания, и значит, в это время эти переводы уже существовали и имели широкое хождение.

В конце II – начале III в. христианство быстро распространялось по Северной Африке. К 212 г. мы можем обнаружить христиан не только в крупных городах вроде Утики или Гадрумента, но и

---

²¹ Не вполне ясно, была ли она иудейкой или христианкой. Нам кажется, что иудаизм был в то время достаточно хорошо известен во всем Средиземноморье, чтобы Апулей назвал его «какой-то религией» (*certae religionis*), и речь идет именно о христианстве. См.: Греческие и римские авторы о евреях и иудаизме. Т. II, часть 1. М., 2000. С. 192-193; Hunink V. Apuleius, Pudentilla and Christianity // VC. Vol. 54. 2000. P. 80-94.

²² Barnes T.D. Tertullian. P. 261-262.

среди римских солдат, расквартированных в этом регионе, и в Мавритании²³. Верующие принадлежали к самым разным слоям общества: «Мы существуем со вчерашнего дня, и наполнили собою все ваши места: города, острова, крепости, муниципии, места собраний, самые лагеря, трибы, декурии, дворец, сенат, форум» (Tert. Apol., 37). Тертуллиан предупреждает Скапулу, что ждет его в случае продолжения гонения: «Что претерпел бы сам Карфаген, в котором ты должен был бы наказать каждого десятого, когда каждый узнал бы там своих родственников, своих товарищей, когда каждый, может быть, увидел бы там и мужей и женщин твоего сословия, и всяких знатных лиц и родственников или друзей твоих?» (Ad Scap., 5).

Еще один важный источник – «Мученичество Перпетуи и Фелицитаты». В 202, 203 или 204 г., 7 марта, в день рождения Геты, в Карфагене были казнены знатная римлянка Вибия Перпетуя и ее товарищи. «Мученичество» состоит из двух частей: первая – рассказ от лица самой Перпетуи, вторая – отчет о их казни. Всех их захватили, пока они были еще оглашенными; крещение было принято ими уже в тюрьме. Отец Перпетуи приложил все старания, чтобы сначала заставить, а потом умолить дочь не исповедовать себя христианкой, но она была неумолима: «Да будет воля Господня, когда я буду на катасте»²⁴. Допрос был краток: Перпетуя отказалась принести жертву и заявила «Christiana sum». Всех приговорили к смертной казни – растерзанию зверьми. «Мученичество» отмечает любопытную деталь: христиане имели возможность выбрать, от какого животного они хотят принять смерть. Так, Сатур был готов к борьбе со всеми, кроме медведя, так для него не было никого омерзительней. Сама Перпетуя умирала очень достойно: она нашла в себе силы запахнуть разорвавшуюся одежду и поправить волосы и помогла добивавшему ее гладиатору. Автор «Мученичества» описывает последние мгновения жизни Перпетуи так: «Она взяла дрожащую руку гладиатора и подвела ее к своему горлу... Возможно, столь великая женщина не могла бы быть убита... если бы она сама этого не захотела».

²³ Harnack A., von. Mission und Ausbreitung des Christentums. 1924. S. 887 ff.; Barnes T.D. Tertullian. P. 280-282.

²⁴ Catasta – не вполне понятно, что имеется в виду: то ли трибуна, некая «скамья подсудимых», как считает В.В. Болотов (Болотов В. В. Лекции по истории древней церкви. Т. II. С. 109), то ли железная решетка, на которой их пытали или сжигали.

Т.Д. Барнс отмечает «насквозь монтанистский характер» «Мученичества Перпетуи»²⁵. В самом деле, это так. Уже во вступлении видна полемика с «обычными» христианами, психиками. Бог до сих пор шлет видения, и сиполняются слова Иоиля, повторенные апостолом Петром: «старцы ваши будут видеть сны, юноши ваши будут видеть видения» (Иоиль 2:28; Деян. 2:17). В «Мученичестве» содержатся описания видений и снов Перпетуи и Сатура²⁶. Описание поведения мучеников во время казни тоже не оставляет никаких сомнений в этом. Некоторые ученые даже считали, что редактором «Мученичества» был сам Тертуллиан уже после разрыва с церковью²⁷. Мы не будем касаться этого непростого вопроса, однако необходимо подробнее остановиться на роли монтанизма в африканском христианстве.

Движение Монтана зародилось около 170-х гг. в Малой Азии и вскоре распространилось по всему Средиземноморью. В течение нескольких лет римский епископ колебался в оценке «нового пророчества»; возможно, Тертуллиан не кривит душой, когда сообщает, что Монтан, Приска (Присцилла) и Максимилла были признаны в Риме. Тем не менее, после того, как вмешался Праксей, они были изгнаны папой Виктором из церкви (Tert. Adv. Prax., 1). Однако в Карфагене спустя десятилетие после этого разрыва еще было достаточное количество если не сторонников монтанизма, то с сочувствием относящихся к нему – именно поэтому «Мученичество Перепетуи» было принято церковью. Возможно, распространению этого учения в Африке способствовал горячий темперамент местных жителей. В начале III века происходит обращение Тертуллиана к «новому пророчеству». К сожалению, нам не известно, что побудило Тертуллиана так поступить, но, благодаря этому, мы имеем великолепный источник по истории монтанизма в Карфагене.

Монтанисты ожидали скорого пришествия Параклета, сошествия с небес Небесного Иерусалима и начала тысячелетнего царства Христа на земле. Они заявляли о том, что каждый человек способен

²⁵ Barnes T.D. Tertullian. P. 77.

²⁶ Эти сны и видения подробно рассматривает Э.Р. Доддс в: Доддс Э.Р. Язычник и христианин в смутное время. СПб., 2003. С. 86-95.

²⁷ С.М. Beek, van. Passio Sanctarum Perpetuae et Felicitatis. Vol. I. 1936. P. 162; Quasten J. Patrology. Vol. I. 1950. P. 181 f. Список стилистических параллелей «Мученичества» и произведений Тертуллиана см. в: P. Labriolle, de. La crise montaniste. Paris, 1913. P. 345 ff.

лично, без посредства епископа, общаться с Господом, и о том, что Святой Дух спускается на их пророков²⁸. «Новое пророчество» утверждало строгий аскетизм – отказ от второго брака, строгие посты, наконец, монтанисты дошли до того, что позволяли делать лишь то, что прямо одобрено в Писании: «non licet, quia scriptura non jubeat». Они стремились кончить свою жизнь мученичеством, исповедуя Христа. Последователи Монтана считали невозможным бежать или использовать какие-то способы уклониться от опасности, помня слова Спасителя: «Всякого, кто исповедает Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцем Моим Небесным, а кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцем Моим Небесным» (Мф. 10:32-33). Церковные авторы, боровшиеся с монтанизмом, всячески старались принизить эту тягу к мученичеству. Евсевий приводит большую выдержку из антимонтанистского трактата, где, помимо прочего, говорится: «Пусть перед Богом скажут нам, кто из всех прорицателей, начиная с Монтана и его женщин, гоним был иудеями, или убит нечестивыми? Никто. Кто из них взят был за имя Христово и распят на кресте? Опять никто. Была ли когда какая женщина бичуема, или побита камнями в синагогах иудейских? Нигде, никогда... Будучи обличены и не находя более слов для своей защиты, они пытаются прибегнуть к мученичествам и уверяют, что у них было много мучеников, и что это служит несомненным доказательством силы так называемого пророческого духа. Но здесь-то, как кажется, и всего более неправды» (HE, V, 16). Некоторых монтанистских мучеников без обвиняков называли самозванцами: «Фемисон, благовидно прикрыв свое корыстолюбие, не перенес знамения исповедания, но за богатый выкуп освобожден от оков. Не смирившись с этим, однако, он начал выдавать себя за мученика, и по примеру апостола осмелился написать соборное послание» (HE, V, 18). Однако, несмотря на ожесточенную полемику со стороны церкви, монтанизм на рубеже II и III вв. был очень популярен, и стремление к «практическому благочестию» сыграло здесь едва ли не важнейшую роль.

Тертуллиан рассказывает о том, как однажды в Азии к проконсулу Аррию Антонину явилась толпа, открыто исповедующая себя христианами; скорее всего, это были монтанисты. Он сказал: «Жалкие люди! Если вы хотите умереть, то у вас есть камни и веревки» (Ad Scap., 5). Похожие инциденты происходили и в Африке. В 208 г.

---

²⁸ Доддс Э.Р. Язычник и христианин в смутное время. С. 110-117.

солдат-христианин отказался надеть венки во время праздника и понес его в руке. Соседи тут же забеспокоились и отвели его к трибуну, перед которым он объявил себя христианином. За нарушение воинской дисциплины воин был заключен в тюрьму, где и дожидался решения своей участи. Судя по тому, что там были и другие солдаты-христиане, которые не решились повторить его поступок, этот воин был монтанистом. Тертуллиан упрекает его однопольчан в том, что они не смогли последовать его примеру, они «служат двум господам», и он называет их «христианами, увенчанными лаврами» (De cog., 1). В трактате «О бегстве во время гонения», написанном в те же годы, что и «О венце», осуждаются различные способы избежать преследований – от бегства до взятки. Это была животрепещущая проблема, и Тертуллиан стремился удержать своих единоверцев от опрометчивых поступков, предупреждая, что, несмотря на массу благовидных предлогов, все это лишь различные виды отступничества от Христа.

Таким образом, монтанисты играли достаточно важную роль в жизни африканских христиан начала III в. Если они демонстрировали такое рвение к мученичеству, когда их ничто не принуждало к этому, то какой реакции можно было ждать на требование общегражданского жертвоприношения? В то время, как церковные христиане могли попытаться под каким-то предлогом ускользнуть от этой неприятной обязанности, скажем, молиться и приносить жертвы, но своему Богу, или попросту откупиться, у монтанистов не было такой возможности. Любытно, что даже «К Скапуле» прямо не призывает к прекращению гонения. Более того, некоторые откровенно агрессивные пассажи вместо сочувствия к христианам могли вызвать лишь злобу и новые репрессии. Тертуллиан прямо угрожает проконсулу Божьим гневом²⁹, напоминает о дождях, неурожаях, огнях над стенами Карфагена, наконец, внезапном затмении солнца в Утике (3). По замечанию П. Кересцеса, складывается впечатление, что Тертуллиан просит лишь о том, чтобы христиан казнили только мечом, «как и в начале было повелено наказывать за дела такого рода» (4), и не предавали пыткам, ибо это может привести к отступничеству³⁰.

Тертуллиан составил свое послание в самом начале гонения, когда был казнен только некий Мавил Адруметский – его осудили на рас-

²⁹ Позже этот прием возьмет на вооружение Лактанций в «О смертях преследователей».

³⁰ Keresztes P. The Constitutio Antoniniana and the Persecutions under Caracalla. P. 456.

терзание зверям (3). Этим ограничиваются наши сведения о погибших. Возможно, к этому можно добавить информацию, содержащуюся у Киприана. В его «О павших» упоминаются Каст и Эмилий, некогда они отреклись от Христа, но затем раскаялись: «Те, кто уступил прежде огню, стали потом сильнее огня» (*De laps.*, 13). Кроме того, в письме карфагенскому клиру о посвящении в чтецы исповедника Целирина (251 г.), он пишет: «Бабка Целерина уже давно украшена венцом мученическим. Дяди его по отцу и по матери, Лаврентий и Игнатий, некогда по званию мирские воины... славным страданием заслужили от Господа пальмы и венцы» (*Epist.*, 39). К сожалению, мы не можем определенно сказать, к какому времени относятся эти мученичества. Вполне вероятно, что они погибли при Каракалле, хотя не исключена и более поздняя датировка – например, правление Александра Севера или Максимиана. Ситуация осложняется еще и тем, что, как мы показали, вполне возможно, большинство мучеников были монтанистами, и церковная традиция отказывалась считать их «своими». Об этом свидетельствует Евсевий в «Церковной истории»: «Вот почему мужи, благословляемые Церковью на подвиг мученичества за истину веры, когда бы ни встретились с “мучениками” фригийской ереси, всегда отделяются от них и умирают без всякого общения с ними. Они не хотят прилагаться к духу Монтана и его женщин. А что это справедливо, явствует из современного нам поступка мучеников Гая и Александра Эвменийских, совершенного в Эпамее на Меандре» (V, 16).

Каков был результат «К Скапуле»? Ответить на этот вопрос однозначно невозможно, но нам кажется, что он был небольшим и даже, может быть, привел к противоположным последствиям. Мы уже отметили, что Тертуллиан, следуя своей обычной тактике, не защищается, а нападает на врагов христиан. Местное население, как известно из других произведений Тертуллиана, не питало особой любви к последователям Христа, а основным гонителем в послании выступает сам проконсул. В то время судьба христиан провинции находилась в руках наместника – местные власти не могли принимать решения о казни – и подобное выступление вряд ли способствовало улучшению отношения Скапулы к христианам. Резонно предположить, что гонения продолжались, быть может, до самой смерти Каракаллы в 217 г.

Проводились ли гонения в других провинциях Империи? Ни Тертуллиан, ни Евсевий, ни другие церковные авторы прямо о них не сообщают. Одна из возможных причин молчания – активное участие монтанистов в этих событиях. Но укажем еще на один аспект этой проблемы. Дело в том, что Северная Африка была

родиной Септимия Севера (он был родом из Триполя – SHA. Sept. Sev., 1), и поэтому необходимо учитывать фактор «местечкового патриотизма», когда отказ от почитания «своего» императора воспринимался местным населением особенно остро. Можно вспомнить о событиях 197 г., когда праздновалась окончательная победа Севера над его противниками. Кто-то из христиан уклонился от участия в торжествах, и был тут же схвачен; этому посвящено тертуллианово «К мученикам». После смерти Септимия ему наследовали сыновья, и даже то, что Каракалла убил своего брата, не уменьшило привязанности африканцев к сыну Севера. Отказ от жертвоприношения в его честь мог иметь меньшие последствия в любой другой области, но не на родине императора.

Таким образом, в Северной Африке 212 г. мы наблюдаем достаточно любопытную картину столкновения двух глобализационных импульсов, идущих от разных источников. Император для обеспечения финансовой дисциплины стремится к унификации всего населения империи в рамках римского права. С другой стороны, если вдуматься, на точно такой же унификации настаивают и радикальные христиане-монтанисты, но, естественно, в рамках своей религии. Они отказываются рассматривать какие-то частные случаи: все равны перед лицом Бога, его Слово должно быть донесено до всего человечества, а какие-то индивидуальные особенности не имеют никакой ценности перед Всевышним. Церковное христианство стремилось к тому же, но его требования были намного мягче. В это время уже санкционирован брак между христианами и язычниками, начинается обсуждаться вопрос о прощении павших, делаются и другие уступки реальности, которая окружала христианские общины. Все это обеспечило успешность ортодоксального христианства и возможность синтеза этих двух систем при Константине Великом.

